

©1991 г.

Дж. КЕЙНС

БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЮ*

Глава I. Что такое коммунистическая вера?

Чрезвычайно трудно судить о России с позиций здравого смысла. Но даже будучи здравомыслящим, как составить верное впечатление о столь незнакомой, переменчивой и противоречивой стране, о которой в Англии ни у кого нет подходящих знаний и жизненно-

* *Keynes J.A. Short View on Russia. L.: Hogarth Press. 1925.*

го ответа? Ни одна английская газета не имеет постоянного корреспондента в России. Вполне естественно, что мы выражаем определенное доверие тому, что говорят советские власти о самих себе. Большинство новостей доходит до нас от предубежденных депутатов лейбористской партии либо от не менее предубежденных эмигрантов. Тем самым пелена тумана отделяет нас от другой части земного шара, где Союз Советских Социалистических Республик устанавливает свои порядки и законы, проводит эксперименты. Не один год Россия страдает от так называемой «пропаганды», которая, подорвав доверие к слову, в конечном счете почти разрушила средства коммуникации на всей их протяженности.

Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса. Подобный факт действует шокирующе, т.к. перед нами совершенно новый тип религии, делающей нас высокомерными, и потому что бизнес, подчиняющийся такой религии — вместо того, чтобы развиваться по своим независимым законам; — становится крайне неэффективным.

Подобно другим новым религиям ленинизм черпает свои силы не от большинства, а от меньшинства своих ревностных приверженцев, чьи усердие и нетерпимость делают каждого из них равным по силе сотне индифферентных. И опять же как в религии ведущая роль принадлежит тем, кто — в большей мере, нежели их последователи — сочетают в себе новый дух, возможно искренне, с устремленностью к благим деяниям.

Последователи — это всегда люди с четко выраженным, по крайней мере в своей массе, политическим цинизмом; люди, которые так же хорошо умеют показывать улыбки, как и скрывать неодобрение; беспринципные экспериментаторы, освобожденные своей верой от всяких обязательств перед истиной и состраданием, но считающиеся с фактами и выгодой, вовсе не чуждые лицемерию (обвинения в котором поверхностны и бесполезны, поскольку они касаются именно политиков — равно как мирских, так и церковных). Подобно другим типам новой религии ленинизм спешит избавить повседневную жизнь от ее колорита, нарядности и свободы, требуя от приверженцев единообразия и суровости. Как и иные новые религии, он несправедливо и безжалостно преследует тех, кто активно выступает против. Подобно другим новым религиям он неразборчив в средствах. Наравне с современными религиями ленинизм преисполнен миссионерским рвением и вселенскими притязаниями.

Но сказать, что ленинизм есть верование небольшого числа ведомых демагогией фанатиков, озабоченных лишь пропагандой и преследованием инакомыслящих, — значит сказать лишь то, что он действительно есть религия, а не просто партия, и что Ленин — это Магомет, а не Бисмарк. Если мы сожмемся от страха в наших капиталистических креслах, то увидим в коммунистах России всего лишь ранних христиан, ведомых Атилой, который прибегнув к святой инквизиции и институту иезуитской миссии, дословно реализует экономические требования Нового Завета. Но если мы предпочтем смотреть на все спокойно, то сможем ли мы тогда быть уверены, что экономические требования, столь несовместимые с природой человека, не удастся навязать ни с помощью проповедников, ни с помощью армии?

В связи с этим возникают три вопроса. Является ли новая религия хоть отчасти истинной или отвечающей духовным запросам современного человека? Способна ли она, что касается ее материального выражения, выжить и дальше? Сможет ли она с течением времени — при соответствующих смягчениях и добавлениях — вызвать симпатии у большинства людей?

Что касается ответа на первый вопрос, то те, кто в полной мере удовлетворены христианским либо эконоистическим капитализмом, вряд ли поддадутся на уловки, направленные на сокрытие ответа; им подходит любая религия или вообще никакая. Но даже многие из тех, кто живут в наше время без общения с религией, склонны поддаваться эмоциональному увлечению любой действительно новой религией, а не просто возобновлением старой, стремясь испытать ее мотивирующую силу. Тем более, что эти новые вещи привносятся Россией — красивым и беззаботным младшим чадом европейского семейства. Родившись на два столетия позже, оно способно преодолеть разочарования прочих великовозрастных членов семейства еще до того, как оно потеряет свойственную юности гениальность

или привычки к уюту и комфорту. Я симпатизирую тем, кто находит в Советской России нечто хорошее.

Но что можно сказать, взглянув на реальное состояние дел? Для меня, возвращенного в атмосферу, не замутненной ужасами религии и страхом перед чем бы то ни было, Красная Россия наполнена многим таким, что вызывает неприятие. Комфорт и привычки предписывают нам воздерживаться от осуждений, но я не готов принять точку зрения, которая безразлична к нарушениям свободы и безопасности в повседневной жизни, либо использует орудие преследований и разрушений и международных раздоров. Можно ли согласиться с политикой, которая заключается в трате миллионов на подкуп шпионов, засылаемых в каждую семью и каждую группу внутри страны, для разжигания волнений за границей? Может быть, это не самая худшая, а возможно, и более целесообразная политика по сравнению с жадными, воинственными и империалистскими устремлениями других правительств. Но в любом случае она должна быть намного лучше, чтобы изменить мои привычки. Как мне принять теорию, которую необходимо принимать как Библию — вне и выше всякой критики, — но которая похожа на устаревший учебник по экономике, не просто научно неправильный, но читаемый без всякого интереса и к современному миру неприменимый? Как я могу соглашаться с системой взглядов, которая, предпочтя водоросли рыбе, возвышает грубый пролетариат над буржуазией и интеллигенцией, которые несмотря на свои недостатки, обеспечивают качество жизни и надежно охраняют достижения человеческой культуры? Если нам и нужна религия — сможем ли мы ее отыскать в туманном вздоре красной литературы? Образованному, скромному, интеллигентному сыну Западной Европы не очень просто найти здесь свои идеалы, не подвергнувшись при этом неприятной процедуре обращения в новую веру, которая непременно потребует изменения всей системы его ценностей.

И все же мы не уловим сущности новой религии, если ограничимся сказанным. Коммунист без колебаний заявит, что подобные вещи относятся не к его кредо, а к тактике Революции. Ибо он верит в две вещи: в устроение Нового Порядка на земле и в *метод* осуществления революции как *единственно* возможное для данной цели средство¹. Новый Порядок якобы не следует соизмерять ни с ужасами революции, ни с лишениями переходного периода. Революция должна стать самым ярким примером средства, оправдываемого целью. Поэтому солдат Революции должен убить в себе человеческую природу, стать беспринципным и жестоким, обрекая себя на жизнь вне радости и спокойствия — являя всем образец средства, а не цели.

В чем же тогда суть новой религии как предвестника Нового Порядка на земле? Наблюдая со стороны, я точно не знаю. Иногда глашатаи этой религии говорят так, как если бы такой Порядок был чисто материальным и техническим в том же самом смысле, что и порядок современного капитализма. Иными словами, коммунизму-де в конце концов просто следует быть более действенным техническим инструментом для достижения тех же материальных благ, которые присущи и капитализму; предполагается, что коммунизм освоит новые поля для больших урожаев и сможет более эффективно контролировать силы природы. В таком случае это вовсе не религия, а своеобразный блеф, облегчающий проведение изменений в обществе, для чего могут (или не могут) быть найдены адекватные экономические средства. Но я подозреваю, что фактически подобные разговоры — всего лишь реакция на обвинения в экономической неэффективности, которые мы предъявляем, и что в сердцевине Русского Коммунизма таится нечто, в определенной степени касающееся всего человечества.

В каком-то смысле коммунизм просто следует некоторым уже известным религиям. Он доводит до экзальтации мещанина, делает его всемогущим. Ничего нового нет. Правда, существует еще один фактор, опять же не очень новый, но — в измененной форме и иной постановке — способный привнести нечто в подлинную религию будущего, если только таковая бывает. *В ленинизме начисто отсутствует сверхъестественное начало; его*

¹ В данной главе я использую термин «коммунизм» в значении Нового Порядка, а вовсе не в том смысле, в каком его употребляют лейбористские политики в Британии, подразумевающие средство осуществления революции.

эмоциональное и этическое ядро концентрируется вокруг индивидуальных и общественных установок в отношении Любви к Деньгам.

Я не считаю, что Русский Коммунизм изменяет или стремится изменить природу человека, что он делает евреев менее жадными, а русских менее экстравагантными, чем они были. Я даже не предполагаю, что он устанавливает новый идеал. Мне кажется, что он пытается создать в обществе такие условия, при которых денежные мотивы как стимулирующий фактор приобрел бы для индивида относительное значение, в то же время социальные привилегии распределялись бы как-то иначе, а поведение, считавшееся раньше нормальным и respectable, перестало быть таковым.

В сегодняшней Англии талантливый юноша, вступающий в жизнь и вынужденный выбирать род занятий, балансирует между выгодами гражданской службы и поиском своей удачи в среде бизнеса. И если он предпочтет второе, то о нем не будут думать хуже. Как таковое «делание денег», причем, как можно в больших размерах — занятие в социальном смысле не менее respectable, а может даже и более, нежели посвящение своей жизни служению Государству или Религии, Образованию, Воспитанию или Искусству. Но в будущей России видимо, карьера «делающего деньги» человека просто невозможна как доступная в силу своей открытости для respectable человека сфера деятельности, как и карьера вора-взломщика, либо стремление научиться подлогам и хищениям. Даже такие желаемые в нашем обществе особенности любви к деньгам, как бережливость и экономность, стремление к финансовой безопасности и независимости (своей или семейной), были бы трудны и неосуществимы там, где считается, что на это не стоит тратить времени. Каждый должен работать на общество — гласит новое кредо — и, если он действительно выполняет свой долг, общество его всегда поддержит.

Подобная система не ставит целью понижать доходы, уравнивая их, — по крайней мере на нынешней стадии. Толковый и удачливый человек в Советской России имеет более высокие доходы и живет благополучнее, нежели все другие люди. Комиссар, получающий 5 фунтов стерлингов в неделю (*плюс* разные бесплатные услуги, автомобиль, квартира, ложа в театре и т.д.) живет достаточно хорошо, но совсем не так, как живет состоятельный человек в Лондоне. Преуспевающий профессор или служащий, получающий 6 или 7 фунтов стерлингов в неделю (*минус* различные налоги), вероятно, имеет реальные доходы раза в три больше, чем низкооплачиваемый рабочий, и в шесть раз больше, чем беднейшие крестьяне. Хотя некоторые крестьяне в три—четыре раза богаче многих других. Человек, потерявший работу, получает далеко не полную часть зарплаты. Но в России не в состоянии позволить себе при таких доходах что-либо отложить на стоящую вещь, причина тому высокие цены и неэластичное прогрессирующее налогообложение; достаточно трудна и повседневная жизнь. Прогрессирующее налогообложение, способы оценки арендной платы и прочие обязанности по своему характеру таковы, что они ставят в невыгодное положение прежде всего тех, чьи доходы превышают 8 или 10 фунтов стерлингов в неделю. И, кажется, нет уже иного выхода, других возможностей заработать деньги, кроме тех, что связаны со специфическим риском, сопровождающим обычное взяточничество и хищения. Таковые в России не исчезли и не стали реже, хотя всякий, кто побуждается к этому порочной расточительностью или инстинктом жадности, подвержен серьезной опасности разоблачения и наказания, включая смертную казнь.

И все-таки на нынешнем этапе невозможно создать эффективный механизм, который был бы в состоянии запретить куплю и продажу. Ради прибыли. Политически подобные занятия не запрещены, но они считаются опасными и постыдными. Частные торговцы — своеобразные отверженные, санкционированные законом, сродни евреям в средние века — без привилегий и защиты; для тех, у кого преобладают склонности к торговле, создана отдушина, которую нельзя оценивать в качестве естественного и одобряемого занятия, достойного нормального человека.

Я думаю, что в результате такого рода социальных метаморфоз может измениться отношение индивида к деньгам. Вероятнее всего, подобные изменения еще серьезнее скажутся на будущих поколениях, которые вырастут, не зная ничего другого. Народ в России, если это связано только с его бедностью, весьма жаден на деньги — по крайней мере он столь же жаден, как и все остальные народы. Но умение «делать деньги» и хранить

их не входит в жизненные ценности рационального индивида, приемлющего советские законы, не входит так, как это принято у нас. Но общество, где такое хотя бы отчасти справедливо — опасное нововведение.

Теперь подобное кажется утопичным или деструктивным по отношению к подлинному благосостоянию, хотя, вероятно, не столь нереальным, если ревностно следовать религиозному духу; в последнем случае утопией было бы выдвижение прозаических целей. И можно ли самодовольно утверждать, как считает большинство из нас, что это-де неискренне или безнравственно?

Глава II. Экономика Советской России

Мы не пойдем ленинизма до тех пор, пока не увидим, что он — нетерпимая к инакомыслящим миссионерская религия, и одновременно — экспериментальная экономическая техника. Отсюда следующий вопрос — является ли подобная техника столь неэффективной, что способна наклепать лишь несчастья?

Экономическая система Советской России подвергалась и подвергается таким усуренным изменениям, что получить точный и взвешенный ответ на поставленный вопрос невозможно. Без особого риска применим лишь метод проб и ошибок. Трудно найти более искреннего экспериментатора, чем Ленин во всем, что не касается основ его мировоззрения. Поначалу было много неясности в отношении того, что считать существенным, а что нет. Например, доктрина, утверждавшая, что деньги должны быть устранены, сегодня считается ошибочной; признается, что в использовании денег как инструмента распределения и учета нет ничего несовместимого с коммунизмом. Правительство склоняется к точке зрения, что сегодня разумнее сочетать политику ограниченной терпимости с периодическим прочесыванием и выдворением, во-первых, старой интеллигенции, которая по-прежнему привержена своей родине, во-вторых, частных торговцев и даже иностранных капиталистов, не пытаясь в то же время сокрушить их окончательно. Предполагая, с одной стороны, осуществлять полный контроль над системой образования и воспитания подрастающего поколения, а с другой — постепенно улучшать технику государственной торговли и повышать государственные капиталы, правительство надеется в будущем избавиться от этих «языческих» союзников. Так, почти все представители некоммунистической интеллигенции с довоенным образованием находятся сейчас на правительственной службе, часто занимая важные и ответственные посты с довольно высоким жалованьем; частная торговля вновь узаконена, хотя она непрочна и ее деятельность затруднена; иностранные капиталисты, которым предоставляются краткосрочные преимущества по сравнению с государственным импортом, могут, на мой взгляд, рассчитывать с определенной степенью уверенности, что деньги будут возвращены по приемлемому курсу. Однако неустойчивый характер подобных мероприятий не позволяет делать общие выводы относительно Советской России. Ведь почти каждый может сказать о конкретной стране и истину, и ложь одновременно — в этом причина того, что дружески, равно как и враждебно настроенный критик с самыми добрыми намерениями излагает совершенно противоположные суждения об одних и тех же вещах.

Не меньшие трудности в оценке степени эффективности экономической системы связаны с тяжелыми материальными условиями, унаследованными от прошлых лет. Они могли бы жестоко потрясти экономику любой страны. За материальными потерями и дезорганизацией «великой войны» последовали гражданские войны, отлучение от остального мира, несколько лет плохого урожая, что отчасти явилось результатом никудышной организации, а отчасти — неблагоприятного стечения обстоятельств. Тем не менее советские экспериментаторы, думается, не без оснований утверждают, что по меньшей мере после пяти лет мира и хорошей погоды можно будет говорить о конечных результатах.

Если же попытаться делать обобщение, исходя из нынешнего положения вещей, то оно сведется к следующему: даже при низком уровне эффективности система все же функционирует устойчиво. Я пришел к подобной оценке, основываясь на некоторых фактах. Сегодняшняя Россия — страна со 140-миллионным населением, шесть седьмых которого заняты в сельском хозяйстве и живут в деревнях, а одна седьмая — горожане, работающие

в промышленности. Городское и промышленное население, которое, как видится стороннему наблюдателю, не обеспечивает само себя, живет, надо сказать, по более высоким стандартам, чем это позволяет производительность их труда. Избыточные расходы города покрываются за счет эксплуатации крестьянства, допустимой только потому, что горожане составляют численное меньшинство населения страны. Тем самым коммунистическое правительство способно задобрить (говоря условно) пролетариат, о котором оно проявляет особую заботу, эксплуатируя крестьянство. В то же время крестьяне, несмотря на подобную эксплуатацию, вовсе не желают менять правительство, давшее им землю. Устанавливается определенное равновесие — как в экономической, так и в политической сфере, — что развязывает руки советскому правительству в его попытке осуществить серьезную экономическую реорганизацию.

Официальные методы эксплуатации крестьян заключаются не столько в налогодобложении, хотя налоги на землю составляют важную часть бюджетных поступлений, сколько в политике цен. Монополия над импортом и экспортом, фактический контроль над промышленной продукцией позволяют властям поддерживать цены на уровне, крайне неблагоприятном для крестьянства. У него закупают зерно по ценам, гораздо более низким по сравнению с мировыми, а продают крестьянам текстиль и другие промышленные товары по заметно более высоким ценам²; разница между ними составляет фонд, из которого можно обеспечить сверхвысокие цены, равно как и покрыть общие издержки неэффективного производства и распределения. Монополия на внешнюю и внутреннюю торговлю, позволяя удерживать разрыв между уровнями цен на внешнем и внутреннем рынках, может использоваться таким образом, чтобы поддерживать паритет в обмене на иностранную валюту — вопреки падению покупательной силы денег. Реальная ценность рубля внутри России, по общему признанию, намного ниже его международной стоимости, измеряемой валютным курсом.

Подобный механизм, эффективный в краткосрочной перспективе, и видимо, неизбежный в дальнейшем, порождает два фактора, губительные своей неэффективностью. Низкие цены на сельскохозяйственную продукцию по сравнению с промышленной — серьезный ограничитель ее продуктивности, а ведь она составляет реальное богатство страны. Чрезвычайно важно для Советского правительства занять твердые финансовые позиции, оказаться в состоянии оплатить более реалистичные цены крестьянской продукции, что, конечно же, послужит стимулом повышения производительности сельского труда.

В то же время задабривание городских пролетариев, реальные доходы которых почти вдвое выше чем у крестьян, и, как говорят, во всех отношениях достигли 80% довоенного уровня — делает жизнь в городе куда притягательнее деревенской. Стимулы для миграции из деревни в город намного превышают возможности промышленности — с ее расстроенным оборудованием и дефицитом оборотного капитала — принять рабочее пополнение. И ничто не смогло бы остановить миграцию, если бы не трудности с жильем и ограниченные возможности трудоустройства в городах. Крестьянин, прибывающий в Москву, уведомляется уже на вокзале, что он не сможет найти ни работы, ни жилья. Однако подобные препятствия возымеют действие лишь после того, как города станут перенаселенными, и безработица достигнет невиданного уровня. За два года она ужесточилась и возросла: незаняты, по моим расчетам, от 20 до 25% всех промышленных рабочих России, т.е. 1,5 млн. человек из общего числа 6 млн. Далеко не все получают от своих предприятий пособие по безработице; оно составляет около трети их обычной зарплаты и приближается к трудовым доходам беднейших слоев крестьянства. В результате постоянно растущая армия безработных ложится тяжким бременем на финансовые ресурсы государства. Все это побуждает усваивать уроки буржуазной экономики, в равной степени применимые и к коммунистическому государству, а именно: спад производства отрицательно сказывается на уровне

² Национальный комиссариат внутренней торговли Северного Кавказа известил в сентябре о том, что крестьянство воздерживается от продажи зерна из-за несправедливых условий продажи промышленных товаров. Крестьяне заявляют, что цены на зерно были нормальными, но цены на одежду — неправомерны. Комиссариат считает, что они должны получать около трех ярдов ткани за пуд зерна, но в действительности крестьяне получают менее; ярда.

относительных цен, или на нормальном уровне относительной зарплаты, в результате чего одни профессии и сферы деятельности становятся чрезвычайно притягательными, а другие — нет. Но подобные факты учат нас еще и тому, что одни и те же неурядицы могут возникать в совершенно различных условиях и зависеть от самых разных причин. Поэтому русская проблема недействующего механизма относительных цен и относительной зарплаты отчасти присуща и нам.

Таким образом, реальные доходы русских крестьян составляют чуть более половины того, какими они должны быть. Одновременно с тем русский промышленный рабочий страдает от перенаселенности и безработицы, как никогда прежде. И все же нет сомнений в существовании определенных признаков политической и экономической стабильности. Советское государство *не настолько* неэффективно, чтобы не могло иметь возможности выжить. Оно прошло через более тяжелые времена по сравнению с нынешними. Оно создало организацию, охватывающую всю сферу активной экономической жизни, но и неэффективную с точки зрения нормальных стандартов, хотя способную преодолеть хаос и разруху. Оно задает стандарты жизни, но более низкие, чем наши, правда защищающие от голода и смерти, обеспечивающие даже некоторый комфорт. Можно согласиться с тем, что в последний год наблюдаются значительные изменения. Собран относительно неплохой урожай. Условия жизни явно улучшились. Кое-что из грандиозных планов нового *режима* начинает приобретать видимые очертания. Ленинград скоро получит энергию и свет от одной из крупнейших в мире электростанций. Создаются хорошо оборудованные сортосеменные участки, которые будут снабжать крестьян лучшими семенами гибридных сортов.

После долгих дебатов с Зиновьевым два «железнобоких» коммуниста, сопровождавших его, заявили мне с полным фанатической веры взором: «Мы предсказываем вам, — заявили они, — что через десять лет уровень жизни в России будет выше довоенного, а в остальной Европе — ниже». Если принять во внимание естественные богатства России и неэффективность старого *режима* — равно как и проблемы Западной Европы и нашу неспособность справиться с ними, — то можем ли мы быть уверены, что эти товарищи так уж неправы?

Глава III. Способность коммунизма к выживанию

Мой третий вопрос все еще остается без ответа. Сможет ли коммунизм с течением времени — при соответствующих смягчениях и изменениях — завоевать большинство людей?

Я не могу дать ответа на то, что покажет лишь время. Но я могу с уверенностью заключить, что если коммунизм достигнет определенного успеха, то произойдет это не за счет экономических усовершенствований, а за счет религии. Присущий нам критицизм ведет к двум противоположным ошибкам. Мы настолько ненавидим коммунизм, рассматривая его как религию, что преувеличиваем его экономическую неэффективность. В то же время нас в такой степени впечатляет его экономическая неэффективность, что мы недооцениваем его как религию.

Будучи экономистом, я не могу допустить, что русский коммунизм сделает какой-либо вклад, имеющий интеллектуальную или научную ценность, в решение наших собственных экономических проблем. Я не думаю, что он подразумевает или может подразумевать хоть какую-нибудь полезную экономическую процедуру, которую следует применять, — если, конечно, мы ее выберем, — с равным или большим успехом в обществе, несущем все признаки не то чтобы индивидуалистического капитализма XIX века, но скорее британских буржуазных идеалов. По крайней мере, оставаясь на почве теории, я не убежден в возможности любого экономического улучшения, для которого необходимым средством служила бы революция. В то же время мы можем потерять все, избрав методы насильственного изменения. В условиях промышленного Запада тактика Красной Революции ввергла бы население в крайнюю бедность и смерть.

Но в чем сила коммунизма как религии? Думается, она значительна. Возвеличивание обыкновенного человека — догма, действовавшая подкупающе на миллионы людей еще задолго до нас. Любая религия и любые узы, объединяющие единоверцев, имеют превосходство над эгоистической раздробленностью неверующих.

Что касается современного капитализма, то он абсолютно нерелигиозен. Он не имеет

внутреннего единства как и сильного общественного духа; чаще всего — хотя и не всегда — это просто масса людей, имеющих собственность и алчущих ее. Подобная система, чтобы выжить должна развиваться не умеренно, а по нарастающей. В XIX веке капитализм в некотором смысле носил идеалистический характер, по крайней мере представлял единую и самодостаточную систему. Он являл собой не просто весьма успешный бизнес, но оправдывал наши надежды на ускоренное и постоянное улучшение экономического благосостояния. Ныне за ним наблюдаются очень скромные успехи. Если нерелигиозный капитализм стремится окончательно победить религиозный коммунизм, недостаточно экономически быть более эффективным; надо быть эффективнее во много раз.

Мы склонны были верить, что современный капитализм в состоянии не только поддерживать существующий уровень жизни, но и постепенно вести нас к экономическому раю, где мы были бы относительно свободны от хозяйских забот. Сегодня мы сомневаемся в способности бизнесменов привести нас к чему-то лучшему, чем наше нынешнее состояние. Если смотреть на них как всего лишь на средство, они вполне приемлемы; но в качестве цели они не так удовлетворительны. Отсюда и сомнение: хватит ли тех материальных преимуществ, которые проистекают из того факта, что бизнес и религия разведены у нас по разным уголкам души, для уравнивания моральных потерь. Протестантам и пуританам удавалось отделять одно от другого совершенно безболезненно, поскольку деловая активность относилась к сфере земного, а религиозная — небесного, которое существует где-нибудь в другом месте. Сторонник прогресса тоже способен на это, ибо считает первое средством установления небесного рая на земле. Но есть и третье состояние ума, при котором мы ни целиком, ни полностью не верим ни в небесный рай, существующий где-то во вселенной, ни в прогресс как надежное средство построения небесного рая конкретно здесь, на земле. Если небесное не где-то еще и не в отдаленном будущем, оно должно быть здесь и теперь либо не быть вовсе. Когда экономическому прогрессу не ставятся моральные ограничения, это означает, что ни на минуту мы не должны жертвовать моральными ценностями ради материальных благ. Иными словами, мы не можем больше разводить бизнес и религию по разным уголкам своей души. Лишь в той степени, в какой человек заблуждается по этому поводу, он готов искать нечто подобное в природе коммунизма, устремляясь от его наружного образа, описываемого нашей прессой.

По крайней мере для меня с каждым днем становится ясно, что моральные проблемы нашего времени сосредоточиваются вокруг любви к деньгам, если учесть, что в девяти случаях из каждых десяти мы непременно обращаемся к денежным мотивам, когда речь идет о наших повседневных делах; если учесть присущее всем людям стремление к индивидуальной экономической безопасности — предмету наших главных воцелений; если учесть, что деньги получили у нас всеобщее одобрение как мера подлинного успеха, что фундаментом семейного благополучия и будущего благосостояния выступает скрытый в нас инстинкт к накопительству. Моральный авторитет религий, которые вызывают все меньше и меньше интереса у большинства людей, постепенно снижается, хотя они постоянно предлагают современные трактовки церемоний и обрядов в отличие от своих предшественников, не заботившихся об этой стороне религиозной жизни. Революция, с точки зрения нашего стиля мышления и отношения к деньгам, вполне способна ответить на растущие ожидания современников, жаждущих идеала. Вероятно поэтому Русский Коммунизм представляет собой первый, хотя и очень запутанный, вариант великой религии.

Те, кто приезжают в Россию и стремятся без предубеждений проникнуть в ее атмосферу, я думаю, не могли не заметить двух настроений — угнетенности и приподнятости. Сэр Мартин Конвей в правдивой и искренней книге «Хранение сокровищ искусства в Советской России» так описывал свой отъезд из страны: «После длительных остановок поезд приблизился на полмили к финской границе, где паспорта, визы и багаж проверяли еще раз, уже менее дотошно. Станция представляла новое строение, весьма приятное место, одновременно простое, чистое и удобное, отличающееся вполне учтываемым обслуживанием. В опрятном буфете подавалась простая, но хорошо приготовленная пища с истинным радушием.

Казалось бы, неблагоприятно говорить таким образом после той доброжелательности, которую я встретил в России, но, положив руку на сердце, должен признаться: на первой станции в Финляндии я испытал такое чувство, будто освободился от тяжелого бремени,

давившего на меня. Я не могу точно объяснить, в чем именно оно выражалось. Я не ощущал его сразу же по прибытии в Россию, но с каждым днем оно медленно накапливалось. Чувство свободы постепенно испарялось. Хотя каждый может испытывать присутствие какого-то давления — не на себе лично — во всем окружении. Никогда еще я не чувствовал себя в такой степени чужим в чужой стране; день за днем то, что первоначально смутно ощущалось, приобретало все более отчетливые формы, конденсируясь в гипертрофированное чувство подавленности. Я мог представить, что и в царской России кто-то способен был испытывать подобное. Американцы гордятся тем, что они называют „воздухом свободы“, считая его принадлежностью своей страны. Они ощущают его как и все те, кто проживают в англоговорящих регионах. Моральная атмосфера России составлена совсем из других компонентов.

Та часть Финляндии, через которую провозил нас поезд, по своим природным характеристикам не отличалась от приграничных стран, но мы ощутили себя так, будто получили „небольшое приятное наследство“ со знаком комфорта и даже преуспевания...»

Настроение при оказываемом на тебя давлении, пожалуй, нельзя передать лучше. Несомненно, оно — отчасти результат Красной Революции. Очень много в России такого, что заставляет всякого молиться: избави, Боже, мою страну от того, чтобы своих целей она добивалась подобной ценой. Но вполне возможно, описанное настроение отчасти — свидетельство присутствия в русской натуре какого-то звериного начала, а может быть не только русской, но, скажем, и еврейской тоже, когда обе они, как сейчас, соединены в неразрывном союзе. Наконец, нельзя исключить, что в такой форме нашли свое выражение величественная старательность и особая серьезность Красной России, которые представляют лишь другую сторону Духа приподнятости. Трудно найти человека более серьезного, чем русский во время Революции, серьезного о даже в минуты веселья и беззаботности — настолько серьезного, что он способен забыть о будущем, а иногда — и о настоящем. Иногда эта серьезность крайне груба, бестолкова и скучна. Средний коммунист *бесцветен* как и приверженец методистской церкви — независимо от своего возраста. Напряженность тутошней атмосферы такова, что в ней трудно находиться, поэтому возникает сильное желание возвратиться к фривольной легкости Лондона.

И все же приподнятость, если ею проникнуться — большое дело. Временами ощущается, что именно здесь — несмотря на бедность, глупость и притеснения — Лаборатория Жизни. Именно здесь различные химические элементы связываются в новые комбинации, здесь же они издают неприятный запах и даже взрываются. Но кое-что в случае удачного исхода может и состояться. Более того, подобный исход всего происходящего в России значимее того, что происходит (как нам говорят) в Соединенных Штатах Америки.

Я думаю, вполне разумно побаиваться России, уподобившись джентльмену, который пишет в «Таймс». Но если Россия собирается быть значительной силой во внешнем мире, она не должна полагаться на деньги мистера Зиновьева; Россия никогда не будет представлять для нас серьезного интереса, если она не станет моральной силой. И сегодня, когда дело сделано и ничего не вернуть, я хочу дать России шанс — помочь ей, а не препятствовать. Ибо насколько значимым было бы для меня, даже после всего случившегося — будь я русским — вносить свой вклад в советскую, а не в царскую Россию! Конечно, я не смог бы подписаться под новыми официальными догмами с большей охотой, чем под старыми. Я испытывал бы не меньшее отвращение к деяниям новых тиранов, чем старых. Но я чувствовал бы, что мои глаза обращены вперед, на то, что еще только может случиться, а не назад; что из грубости и глупости старой России ничего не может выйти, но что под грубостью и глупостью новой России могут таиться крупицы идеала.

Перевод с английского Э.Г. ЛАВРИК.